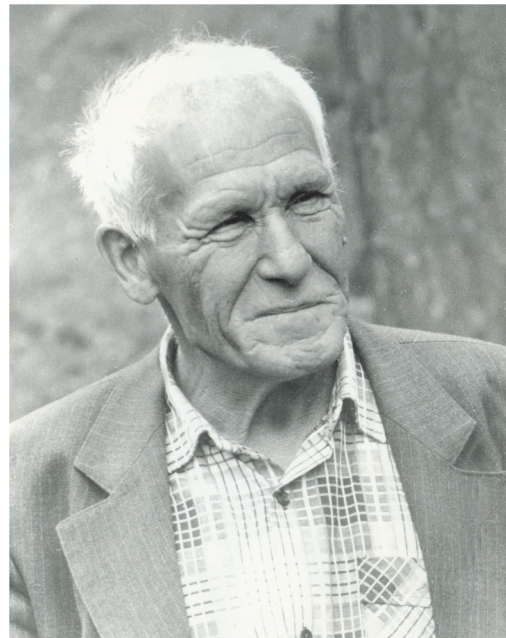

И снова с надрывом ревут «сейбора» Над юной моей головой...

Вспомнить Сергея Дмитриевича Шевкова в дни большого писательского сбора в Якутии у нас есть все основания, — приближается дата 85-летия этого талантливого мастера слова, равнодушного человека и взыскательного наставника.

Когда-то, в далёком уже 1973 году он стал самым первым русским поэтом далёкой северной республики, принятым в Союз писателей СССР, и потом как профессионал долгие годы растил и воспитывал молодых литераторов.

Это был человек необычной судьбы, получивший удостоверение ветерана войны через 30 лет после окончания одной из тайных военных миссий Советского Союза. Встретившийся на улице однополчанин, уже имевший такой документ, рассказал, что «корейцев» наконец-то приравняли к участникам Великой Отечественной. Но прежде чем вручить Шевкову ветеранскую книжку, работник городского военкомата осмотрительно запер входную дверь на ключ...

Ещё во времена своей юности, читая сборник Сергея Шевкова, которого, к сожалению, уже нет рядом с нами, я наткнулся на одно странное стихотворение. Речь в нём шла о войне в Корее. Откуда вдруг в стихах русского поэта, с детства жившего в Якутии, возникла Корея, и что за война имеется в виду? Если против Японии 1945 года, то автор, судя по другим его же стихам, был в это время подростком. Поэтические фантазии? Не похоже: слишком реалистично...

Я знаю хмурую Корею,
Ту, что сквозь годы мне видна...
Ходила к нам на батарею
Скаторькой девочка одна.
Присев на камень, за увалом,
Где ветер сёк, как бичевой,
Она по-взрослому молчала
И не просила ничего...
И, видя тоненькие руки,
Опять у жалости в плечу,
Наш повар, парень из Калуги,
Ругал ругательски войну.
Хватал черпак движеньем резким,
Кляня попутно чадный пыл,
И снова девочке корейской
Бачок со щами выносил...

Уже позже, познакомившись с Сергеем Дмитриевичем лично, я всё со-

бирался как-нибудь расспросить его об этом. И однажды случай представился, причём, весьма необычно. Выпив рюмочку-другую на литераторском застолье, Шевков вдруг запел, энергично жестикулируя рукой, на каком-то непонятном восточном языке. Встретив мой недоуменный взгляд, пояснил: «"Марш китайских добровольцев"... Корея...»

Тогда уже закончился срок 25-летней подписки о неразглашении сведений, и Сергей Дмитриевич рассказал, как попал на корейскую войну.

Обязан этому он был... болтливости штабного писаря одной из дальневосточных частей связи, где Сергей служил в 1952 году. Приблизивший к высшему начальству дружок шепнул Шевкову, что в три часа ночи, в обстановке особой секретности, в штабе будут решать вопрос об отправке добровольцев на войну в Корею. Переполненный романтизмом 20-летний пиит, конечно же, не мог упустить такого случая. А посему ровно в три часа ночи строевым шагом вломился в штаб и громко отработал о своём горячем желании стать добровольцем. Отцам-командирам чуть не стало плохо от такой осведомлённости

рядовой связиста. Объявив ему поначалу десять суток «губы», они тут же поняли, что оставлять в части источник столь секретной информации просто нельзя.

Так Шевков оказался «китайским добровольцем» под командованием настоящего китайского генерала Пын Да Хуэя. Правда, его ярко выраженный славянский тип оставался таковым даже и во время прекрасного исполнения упомянутого «маскировочного» марша, а потому подобных ему всегда прятали в середину колонн, прикрывая боком казаками, узбеками и другими азиатами.

Встретившись с Сергеем Дмитриевичем через несколько лет после упомянутого застолья, я напомнил ему про восточный марш. Поэт заулыбался: «Да, мы были "китайцами" во всём: носили их форму, курили китайские сигареты, получили китайские медали с иероглифами. Вот только пушки в нашем зенитном полку, как и во всех подобных "китайских" дивизиях, были русские. И когда позже, возвратившись домой, я читал о героических подвигах "бойцов-добровольцев кочующих китайских батарей", то представлял

именно наших парней».

Тут, видимо, надо сказать несколько слов о «той войне незапамятной», поскольку не все сейчас помнят её историю. Началась она как гражданская. Социалистический Север, воюя за отсоединение от капиталистического Юга, почти добился успеха, что, естественно, не понравилось Америке, и она ввела на полуостров свои войска, оказывая мощную помощь южанам. Особенно ошутим был перевес американцев в авиации, которому северокорейцам нечего было противопоставить. Вот тогда Советский Союз и Китай организовали военную поддержку Северной Кореи с помощью упомянутых «добровольцев».

Что касается «китайской» маскировки, то Сергею и его друзьям на земле было с ней немного проще, чем советским лётчикам в небе, где тоже предписывалось говорить только по-китайски. Для этого приходилось привязывать к колену планшетку с «разговорником» и пытаться пользоваться им в бою на реактивных скоростях, поскольку воевали наши в ту пору уже на истребителях МИГ-15. Понятно, что эту конспирацию временами невольно прерывал русский мат, с чем в конце концов командованию пришлось смириться.

Писательское любопытство, конечно же, заставило меня спросить Сергея Дмитриевича: кого чаще сбивали в воздушных боях — наших или американцев?

— Думаю, американцев почаше, — ответил он. — Это было хорошо видно по парашотам: у наших они были белые, у американцев — красные. Надо сказать, что самолёты МИГ-15 ни в чём не уступали хваленым американским истребителям «Сейбр» F-86.

— А зенитчики ваши их сбивали?

— И их, и штурмовики F-80, F-84, и «летающие крепости» B-29. Однажды мне пришлось проехать на машине почти до границы с Южной Кореей, и я видел обломки самолётов практически на протяжении всего пути. В конце войны нам назвали цифру американских потерь — 15 тысяч самолётов. Но вдоль этой же дороги тянулись почти сплошные братские могилы корейцев. Янки бомб не жалели, но и мы на них снарядов не экономили. К чести наших лётчиков и зенитчиков могу сказать, что два главных стратегических объекта — огромную Сухунскую электростанцию, питающую энергию всю Северную Корею, и единственный мост через реку Ялуц-ян — американцам так и не удалось вывести из строя. Возле этой электростанции как раз и стояла наша батарея, упомя-

нутая в стихотворении.

— Много ли было якутян в Корее? — Думаю, немало. В нашей батарее из 150 человек служило 50—60 якутов. В полку было восемь батарей, а всего в Корею стояло несколько советских дивизий.

— А когда-нибудь кто-нибудь погиб?

— Родным сообщалось, что он «погиб при исполнении служебных обязанностей» на территории России, так

что кое-кто из родителей, думаю, и не подозревал, что их сын похоронен под Андунем или Чаньчунем, в чужой земле. Я сам видел эти кладбища.

— Вы знаете, что означают иероглифы в удостоверениях к вашим медалям?

— Могу процитировать точно. Называются они, видимо, для маскировки «юбилейными», а текст гласит: «На память советскому товарищу С.Д.Шевкову, оказавшему нам дружескую помощь в деле становления Китайской народно-освободительной армии». И подпись: «Мао Цзэдун».

Разочарованный разрушением великой страны, которую он защищал и в боях, и в стихах, Сергей Шевков к концу жизни почти замолк — «не жаловал одами новых господ и контре пером не служил». Но Корея не отпустила его до самых последних часов...

Но сердце тревожно стучит на заре,
И там я дерусь до сих пор,
Где тянутся к небу стволы батарей
На рыжых подпалинах гор.

И сердце опять призывает: «Пора
В последний решительный бой!»
И снова с надрывом ревут «сейбора»
Над юной моей головой.

Владимир ФЁДОРОВ

Сергей ШЕВКОВ

Белая ворона

«Удел покорённых был горек:
Их юрты сжигались дотла...» —
Скорбит зарубежный историк,
В сибирские «вникнув» дела.

Кровавые подняли взоры:
Теперь — то походим в святых! —
Хихикают конкистадоры
В замшелых гробницах своих.

Молчат истреблённые инки,
Аптеки не встанут из мглы...
Сияют испанские лики
На карте экспансий былых.

Семнадцатый век — не малина,
Ясак — не копейный сбор.
Да, были в руках славянна
Не только тесло и топор.

Россия державная смело
Будила дремтуню даль.
Случалось, и сабля свистела,
И ухаля грозно пищала.

Но, ставя зимовья за Леной,
Над темью скулистых родов
Бород не вздымали надменно
Бекетов, Бугор и Дежнев.

Сякутами встретясь вчера лишь,
Они в этих далах лесных
Обычаев их не чурались,
Своих не скрывали от них.

Нет, Галкин, Хабаров, Поярков,
Суровые правя дела,
Не рушили местных порядков
И юрт не сжигали дотла.

Вострогах, в ясачной глубли ли,
На Ламе, в даурском краю
Над верой чужой не глумились,
Мечом не внедряли свою.

Гудели шелонники, круты,
Хватало и крови, и бед...
Но есть на планете якуты,
А инков саптеками нет.

Своих королевств эмиссары,
К народам открытой земли
Какие Франциски Писарры
Вот так отнеслись бы смогли?

Не выйдут торжественной мессы
Над мрачными склепами их...
Глаза опустите, Кортезы,
В бесславных гробницах своих!

Камнем падает с провода птица...
Норов нашей зимы узнаю.
Угораздило ж взять и родиться
В этом щедром на стужу краю!

Может, в зрелости кровь холоднее,
Иль проснулась древянская грусть?
Или, может быть, просто честнее
Я годами в стихах становлюсь?

Прохожу по таёжному краю,
А дорога — полвека в длину.
Принимаю её, отвергаю,
Возвышаю её и кляну.

Только с далью сдружиться иною
Мне в будущих днях не суметь,
Потому что пред этой землею
Я поклялся на жизнь и на смерть.

Цена Победы

Лоб отерев полой шинели
И сделав первые глотки,
О, как легко они пьянели,
Безногие фронтовики!

Стекали капли на медали
В пивнушке грязной, тыловой.
И враз легчали все печали,
И вновь культа была ногой.

Приняв «наркомовскую чарку»,
С надрывом пели у крыльца
И про Тамарку-санитарку,
И про «нешасного» бойца.

И мощно вдруг — про ночи Спасска,
Манящий свет далёких дней...
И подступала к горлу спазма
У обступивших их людей.

Цена Победы... На базаре,
Где хлебу — лютая цена,
В битком набитом кинозале,
На кадрах хроники, она

Вошла в меня со школьной парты,
И величава, и горька,
С горой поверженных штандартов,
С безногой песней у ларька...

Белая ворона

Когда работа шла неплохо
И наступил обедный срок,
Такой стоял в бригаде хохот,
Что трясся ветхий потолок.

А я считал себя несчастным:
Ну, было двое нас хотя б
На семь насмешливых, горластых,
Весёлых и бесстыжих баб!

В то время был я тихим парнем,
Жил, в тайных думах потонув.
Вороной белую в пекарне
Меня все звали потому.

(Хотя среди печей калёных,
Где выделяться не с руки,
Любая чёрная ворона
Враз побелела б от муки).

И чтобы кадры, думать надо,
Где выделяться не с руки,
Начальством в женскую бригаду
Я мудро был определён.

Что ж, я и там справлялся с делом,
Работал, не жалея сил,
Хлеба на под садил умело
И тесто яростно месил.

Но, закоснев в своей обиде
И не желая масть менять,
Всё больше пекарш ненавидел,
Вконец затюкавших меня.

И я б ушёл, наверно, кабы
Однажды хмурым летним днём
Не молвил кто-то: «Хватит, бабы,
Над парнем тешиться. Споём?»

И, оперев ладони в кромку
Большой приземистой квашни,
С печалью в голосе, негромко,
Запели слаженно они.

И я вдруг понял женщин, певших
О том, как горестно вдоветь,
О «похоронках», не успевших
Ещё в комодах пожелтеть.

Их тайный враг, теперь уж бывший,
Я разгадал, я понял их,
В скабрёзных шутках днём топивших
Всю горечь дум своих ночных...

С тех пор я сам взахлеб, до стона,
Над каждой шуткой хохотал.
И больше белою вороной
Меня никто не называл.

Алгебра

Я иду по дороге, палочкой
Тихо щёлкая о забор.
Чуть поодаль ведётся парочкой
Зашифрованный разговор.

Рассуждают на тему вескую:
Математика! Век такой.
Есть на каждую Ковалевскую
По весне Лобачевский свой.

Уравнения, показатели...
Будто в классе, меж школьных парт.
И куда только смотрят матери,
Отпуская девочек в парк!

Куб, прогрессия, корень... До ночи
Разговаривать могут так.
Как гарантия, на девочочке —
Франтоватый его пиджак.

Я ещё бы пощёлкал весело,
Да лесной гордыбе конец.
Ох, прогрессия ты, прогрессия,
Уравнение двух сердец!

Всё вышло не так, как надо,
Как ива шептала нам.
Ни слова, ни рук, ни взгляда,
Ни писем, ни телеграмм.

Крутые, в рабочем ритме,
Года проплывут, звеня...
Другая сынка родит мне,
Похожего на меня.

Притихнет озёрный омут,
Травой оком креня...
Ты дочку родишь другому,
Похожую на тебя.

Когда же с каким-то ветром
Они улетят от нас,
Их руки — я верю в это —
Сплетутся в рассветный час.

Им станет чужда разлука,
Им хватит судьбы одной...
И будем качать мы вьюков,
Похожих на нас с тобой.

Слова

Пуaska дым в раздумье невесёлом
Над книжечкой,
Одни —
сердца людские жгут глаголом,
Другие — жгут и потрошат глагол.

Когда иной поэт, сопя мастито,
Разводит вновь
свой жертвенный огонь,

О, как мне жаль,
что слово беззащитно,
Без шестопёра, не одето в броню!

Декретом узаконить бы такое:
Пусть будут слово и поэт равны,
Чтоб каждый стих атакой брался,
с боя,

Суроном с той и этой стороны.

Чтоб,
зубы стиснув, сдерживая стоны,
Поэт к наверхню образности лез,
Преодолев метафор бастионы,
Рвы идиом и флешки антитез.

Чтоб,
прежде чем войти в стихи и песни,
Слова,
горя отвагой и в плену,
Сдавались гордо, не роняя чести, —
Вперёд эфесом шпаги протянув.

И чтобы стихотворцы всей планеты,
Поэзии штурмуя равелин,
Инфарктами платили за победы
И рублеными шрамами морщин.

Карбаза

Это всё за дымкой, в отдаленье...
Утюгами выгнув корпус,
С грузом,
Вниз по матушке по Лене
Шли в Якутск

и дальше
Карбаза.
Месяцами, скукою томимый,
Караван карбазный шёл и шёл,
Самославою,
В дождь и в вёдро,
Мимо
Скальных круч,

ржаных полей и сёл...
Снова спяну заключив контракты
Где-то под Жигаловом, вверху,
Сатанели Нилы и Кондарты —
Мужики,
забывшие соху.

А иной, картуз свой сдвинув на бок,
Вдруг светлел лицом, увидев рад,
Как идёт прибрежным лугом баба —
Ленская

от темени до пята.
Та, что глянет
и рукой помашет,
В озорстве хватая через край:
— Эй, продайте лошманна
на мя-яшо! —

Чтоб в ответ услышать:
— Покупа-а-ай!..
Это всё — за дымкой, в отдаленье.
Шумный век добрался и сюда.
Стулом,
с рёвом,
с рокотом по Лене

Вверх и вниз курсируют суда.
Но, шагая вдоль иных заборов,
Что сквозных не залечили ран,*
Вижу берег...
Баба долгим взором
Провожает тихий караван.

* Многие старинные заборы в Якутске
построены из карбазных плах, имею-
щих круглые штыревые отверстия.

Якутские лошади

Везде, где увидите их сможете, —
В распадках, в лугах у озёр,
Пастуся якутские лошади
Зимой с незапамятных пор.

Они всеми бедами пытаны,
В мороз не привыкли сникать:
В новинку им, что ли, копытами
Рыхлить на опухках снега?

Буланые, серые, рыжие
С зимой повстречались опять...
Как только их в поле увижу я,
Так шапку мне хочется снять.

Они прогибались под вьюгами,
Шагая в Жиганский острог.
И вместе с казёнными вьюками
Срывались на Юдоме с троп.

И гибли, и с вьюгами спорили,
Не вывели с хрипом пока
Великих открытий историю
На спинах своих и боках.